

Лян Е не увернулся, а ловко перехватил его запястье. Ван Дянь почувствовал резкую боль, и жетон, который он только что прижал к лицу императора, переключился в ладонь Лян Е.

— Я всегда отличался честностью и добротой, а ты зря возводишь на меня напраслину, — с усмешкой произнес Лян Е.

Затем он неторопливо распахнул переднюю полу одежды Ван Дяня, сунул туда жетон и напоследок хлопнул его по груди.

— А ведь не такой уж ты и хрупкий, как казалось.

Ван Дянь с силой отстранил его руку, заставляя себя сохранять хладнокровие.

— Лян Е, что это значит?

— А что, по-твоему, это значит? — Лян Е с самым невинным видом положил голову ему на плечо и лениво зевнул.

— Если хочешь со мной сотрудничать, прояви соответствующее отношение и искренность. — Ван Дянь оттолкнул его голову, заставляя сесть прямо, попутно стряхнул с пояса его ногу и, приняв подчеркнуто деловой и серьезный вид, добавил: — Хотя моя жизнь в твоих руках, я тебе тоже нужен. Не стоит это отрицать.

Лян Е сидел на каменном постаменте, слегка приподняв бровь.

— Несмотря на то что Северный Лян раздирают внутренние и внешние распри, главным препятствием для тебя по-прежнему остаются Цуй Юйхань и стоящая за ней придворная клика. Твоя власть узурпирована, внешние связи в упадке, достойных кадров не хватает, а ты сам скован по рукам и ногам влиянием Цуй Юйхань, — Ван Дянь говорил размеренно и четко. — Даже если раньше ты хотел просто сбежать, теперь, когда ты вернулся, я не поверю, что ты не жаждешь взять реванш.

Лян Е опустил глаза и принялся тереть кисточку на нефритовой подвеске Ван Дяня, снова зевнув.

— Я помогу тебе, — Ван Дянь вытянул кисточку из его пальцев. — Но ты должен уяснить: наши отношения — это равноправное партнерство. Прежде всего, ты должен научиться уважать меня.

Лян Е нахмурился:

— Твоя жизнь принадлежит мне, и сам ты — мой.

— Я не вещь и не твоя собственность, Лян Е. — Ван Дянь схватил его за затылок, слегка подался вперед, заглядывая в глаза, и криво усмехнулся: — Мои условия просты: я помогаю тебе устранить Цуй Юйхань, ты извлекаешь из меня паразита и даруешь мне новую личность. После этого я покину Северный Лян и больше никогда не появлюсь у тебя на глазах.

Едва он договорил, как паразит внутри него пришел в движение, причинив такую боль, что Ван Дянь едва устоял на ногах.

— Не нужно мне угрожать, — Ван Дянь, побледнев, продолжал улыбаться. — Если ты убьешь меня, то твое возвращение окажется бессмысленным.

Лян Е одарил его ослепительной улыбкой:

— Вот за это я тебя и люблю — за твой острый ум.

Боль резко усилилась. Ван Дянь качнулся, но Лян Е протянул руки и крепко прижал его к себе. От императора исходил тонкий аромат, вероятно, какого-то особого благовония, от которого у Ван Дяня на мгновение помутилось в голове.

— Чего ты от меня хочешь? Я готов учиться, — Лян Е ласково потерся губами о его шею, сжимая объятия. Затем он медленно поднял голову и, глядя в пустоту, бесстрастно произнес: — Неважно, вещь ты или человек, но ты — мой.

Ван Дянь, обессиленный болью, с трудом выдавил сквозь зубы:

— Тогда можешь ли ты... сначала научиться нормально разговаривать, когда мы обсуждаем дело? Я не умею летать и не могу исчезнуть по щелчку пальцев. Живой человек перед тобой, никуда я не денусь. Останови паразита.

Лян Е подержал его в объятиях еще какое-то время, словно проверяя, не собирается ли тот сбежать, и лишь потом нехотя успокоил насекомое.

Ван Дянь, пропитанный холодным потом, тяжело дышал, привалившись к нему, и долго не мог произнести ни слова. Лян Е сидел на постаменте, опустив голову, и осторожно касался кончиками пальцев его дрожащих рук. Казалось, он искренне недоумевал:

— Почему ты просто не можешь быть послушным?

Ван Дянь медленно показал ему средний палец.

— Что это вообще значит? — Лян Е щелкнул его по пальцу.

Ван Дянь дернул уголком рта и обессиленно прошептал:

— Это значит, что я хочу тебя поиметь.

— Какая вульгарность, — Лян Е приподнял бровь. — С твоим-то хилым здоровьем, это скорее тебя поимеют...

Видимо, император счел это слишком грубым, осекся и ущипнул Ван Дяня за щеку:

— Еще раз посмеешь так со мной разговаривать — прикажу превратить тебя в человеческий обрубок.

Ван Дянь закрыл глаза и поморщился, проигнорировав угрозу:

— Раз уж ты проверил меня и я прошел твой тест, то, может, поделишься планами? Мне нужно знать, как с тобой сотрудничать.

— Какие еще планы? — Лян Е склонил голову, лизнул его в уголок губ, а затем, ведя горячими губами по щеке, добрался до мочки уха и легонько прикусил ее.

Ван Дянь отстранил его лицо рукой:

— Лично я терпеть не могу служебные романы.

Лян Е, кажется, не понял и растерянно моргнул.

— Давить на людей силой, заставляя их подчиняться, — это удел слабых, — серьезно сказал Ван Дянь. — Если ты хочешь использовать людей, угрозы могут гарантировать результат, но ты никогда не добьешься их искренности. Они не будут стараться ради тебя, а как только окажутся вне зоны твоего контроля, могут ударить в спину. Между людьми должно быть доверие.

Лян Е нахмурился:

— Я позволил тебе спать рядом с собой и показал пещеру.

— Ты должен был сказать: Ван Дянь, мне нужна твоя помощь, пожалуйста, помоги мне, — Ван Дянь указал на черного паразита под кожей ключицы. — А не доводить меня до полусмерти, ломая волю страхом. Думаешь, кто-то другой не возненавидел бы тебя до глубины души?

Лян Е прищурился:

— А ты меня не ненавидишь?

Ван Дянь закрыл глаза и вздохнул, не ответив. Лян Е ткнул его пальцем в шею.

— Быть великодушным к другим — добродетель, быть великодушным к себе — инстинкт. Ты, кажется, застрял где-то посередине, и такие чувства трудно поддаются определению, — тихо сказал Ван Дянь.

Лян Е долго молчал, а потом мрачно отозвался:

— Я не понимаю, о чем ты.

Ван Дянь открыл глаза и снова закрыл их:

— Это не ненависть, но и не симпатия. Просто чувствую, что это какое-то проклятие.

Наверное, в прошлой жизни Лян Е натворил столько зла, что в этой ему приходится расплачиваться.

Когда он уже почти проваливался в сон, Лян Е, казалось, снова сунул ему что-то в руки, но у Ван Дяня не было сил даже взглянуть. Он лишь вяло хлопнул его по животу:

— Перестань поить меня этим отваром.

Лян Е, вертевший в руках ланцет, замер.

— Если будет болеть голова, можешь звать меня, — голос Ван Дяня стал тише. — Ты... тоже по-своему жалок.

Взгляд Лян Е потемнел, и лезвие снова опасно приблизилось к горлу Ван Дяня. Тот даже не осознал опасности:

— Придурок.

Лян Е еще долго смотрел на него с нечитаемым выражением лица, затем внезапно спрятал лезвие в складках одежды и щелкнул Ван Дяня по носу:

— Пошли, возвращаемся.

— Не могу идти, — Ван Дянь даже не шелохнулся.

— Тогда оставайся здесь. — Лян Е без капли жалости поднялся. Ван Дянь, лишившись опоры, повалился на каменный стол.

Лян Е прошел уже приличное расстояние, но, не услышав ни звука шагов, обернулся. Увидев Ван Дяня, скатившегося на пол, он приказал слуге:

— Чун Хэн, посмотри.

Слуга осторожно подошел и прошептал:

— Хозяин, кажется, он действительно не может пошевелиться.

Лян Е помедлил, а затем вернулся и присел перед ним на корточки:

— Ван Дянь?

Ван Дянь съехался на полу, зажмурившись от боли, и не ответил. Лян Е снова потыкал его в лицо, а потом зажал нос и рот. Ван Дянь наконец открыл глаза.

— Вставай, пошли, — сказал Лян Е.

— Хотя я всё и понимаю, но с меня хватит, — Ван Дянь оттолкнул его руку и с безразличным видом произнес: — Уйди. Дай мне сдохнуть здесь.

Может, получится умереть и вернуться обратно. Лучше уж отдать врагам все земли на востоке, чем терпеть выходки этого неуравновешенного психопата. К черту всё. Всё болит. Лян Е — умственно отсталый, он ничего не понимает, сотрудничать невозможно. Смерть — лучший выход.

Он не хотел сдаваться, даже когда Лян Е в припадке безумия едва не убил его, но этот холодный уход, из-за которого он ударился головой о камень, стал последней каплей.

Лян Е непонимающе смотрел на него. Ван Дянь перевернулся на другой бок, поворачиваясь к нему спиной. Лян Е силой развернул его обратно и с легкой улыбкой сказал:

— Не заставляй меня повторять дважды.

Ван Дянь, лежа на полу, вызывающе показал ему средний палец:

— Ну давай, убей меня.

Лян Е задумчиво посмотрел на его руку, рывком поднял его и швырнул на стол, потянувшись к его поясу. Ван Дянь, больно ударившись спиной о какую-то каменную печать, вцепился в пояс:

— Что ты делаешь?!

— Делаю, как ты просил, — Лян Е улыбнулся зловеще. — Даю тебе возможность умереть здесь.

Судя по его поведению, этот способ смерти сильно отличался от желаемого Ван Дянем. Видя, что тот собирается снять с него штаны, Ван Дянь с силой пнул его в живот, сверкая глазами:

— Лян Е! Ты можешь перестать сходить с ума?!

Лян Е отшатнулся от удара, и его взгляд случайно упал на лоб Ван Дяня, где красовалась ссадина.

— Ты ударился? — он замер.

Ван Дянь молчал, сверля его взглядом.

— Так вот почему ты внезапно разозлился, — Лян Е, словно озаренный, потянулся погладить рану.

Ван Дянь брезгливо отбил его руку, но, заметив в глазах Лян Е холодное равнодушие, внезапно остыл и пришел в себя.

Он был ослеплен собственными иллюзиями. Пытаться сотрудничать с императором феодальной эпохи, глупо сопереживать ему только потому, что они похожи как две капли воды — это было верхом наивности. Лян Е гораздо трезвее его: он никогда не расскажет о своих планах, потому что пешке это знать не обязательно.

Теперь главное — не искать партнерства, а осознать свое положение и постараться выжить.

Он подавил гнев и все остальные чувства, заставив себя успокоиться. Голос его звучал ровно:

— Я не смею злиться на Ваше Величество.

— Я сам наложу тебе лекарство, — Лян Е снова потянулся к нему.

Ван Дянь хотел увернуться, но заставил себя остаться неподвижным, произнес с ледяным спокойствием:

— Не стоит. До этого я был слишком дерзок с Вашим Величеством.

Он сполз со стола, поправил пояс и, поклонившись Лян Е по всем правилам придворного этикета, холодно добавил:

— Прошу прощения за свое поведение. Для Ван Дяня большая честь заслужить доверие Вашего Величества. Отныне я буду во всем следовать вашим приказам, служить вам верой и правдой, не жалея сил и самой жизни.

Лян Е застыл на месте.

<http://bllate.org/book/21737/2247149>